

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Петербургский институт иудаики

ДЕВЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

статьи и материалы

Цвелодубово Ленинградской области
2013

Анастасия Фисун

Интерпретация архетипа Матери в романе А. Платонова «Счастливая Москва»

The article explores the plot line and the character nature of the leading personages of A. Platonov's novel Happy Moscow, from the point of view of the archetype of the Mother. The image of the protagonist turns out to be directly related to this archetype, which allows for the possibility of salvation and the overcoming of death by the novel's other characters by means of their bodily connection with Moskva Chestnova.

Key words: Andrei Platonov, archetype of the Mother, drive towards salvation, overcoming of death, «material-corporeal substratum».

В статье рассматривается сюжетная линия, а также образы главных героев романа А.Платонова “Счастливая Москва” в аспекте архетипа Матери. Образ главной героини оказывается напрямую соотношенным с данным архетипом, что обуславливает возможность спасения и преодоления смерти остальными персонажами романа через телесную связь с Москвой Честновой.

Ключевые слова: Андрей Платонов, архетип Матери, стремление к спасению, преодоление смерти, телесный низ.

Основную массу героев Платонова составляют онтологические сироты, это погруженные в одиночество люди, стремящиеся к чему-то, что способно заполнить пустоту пространства, в котором они пребывают и которое пребывает в них. Все мужчины, так или иначе соприкасающиеся с Москвой Честновой, главной героиней романа, при описании наделены эпитетами вроде *случайный* (первый муж Москвы), *незначительный* (Божко), *неинтересный* (Сарториус), они, словно одинокие дети, ищут убежища, спасения в Москве Честновой. По мнению Леонида Карасева, «идеал платоновских людей не в том, чтобы вообще не существовать, а в том, чтобы *существовать внутри материнской утробы*, быть уже зачатыми, то есть уже действительно быть, но при этом в мир не рождаться» [1, с. 129]. Пространство произведений Платонова оказывается чуждым по отношению к героям в нем существующим (««Чужое» пространство у Платонова — пространство не человеком и не для человека созданное. Антиномической парой ему будет не традиционное в лексическом плане «свое», а «очеловеченное», ориентированное на пребы-

вание человека в мире» [3, с. 18]). Пустое пространство «Счастливой Москвы» оказывается максимально заполненным, «очеловеченным» благодаря метонимическому переносу. Платонов наполняет его героиней, называя ее именем города — центра нового мира, он наполняет и саму героиню стремящимися овладеть ею мужчинами. Нередко Москва Честнова перестает ощущать себя отдельной личностью, выходя за пределы человеческого, становясь миром, «волнением силы, обслуживающей мир и счастье на земле» [6, с. 708]. «Она ложилась животом на подоконник, волосы ее свисали вниз, и слушала, как шумит всемирный город <...> подняв голову, Москва видела, как восходит пустая неимущая луна на погасшее небо, и чувствовала в себе согревающее течение жизни <...> в одиночестве она наполняла весь мир своим вниманием и следила за огнем фонарей, чтоб они светили, <...> думала о машинах, день и ночь напрягающихся в своей силе, чтоб горел свет в темноте, шло чтение книг, мололась рожь моторами для утреннего хлебопечения, чтоб нагнеталась вода по трубам в теплый душ танцевальных зал и происходило зачатие лучшей жизни в горячих и крепких объятиях людей <...>. Москве Честновой не столько хотелось переживать самой эту жизнь, сколько обеспечивать ее» [6, с. 657]. Стремление Москвы преодолеть себя, выйти за грань своего человеческого тела реализуется именно в слиянии ее с городом-тезкой, в увеличении субъекта до размеров объекта, в чувствовании Москвой движений этого мира и желании обеспечить его жизнь, даже вобрать в себя эту жизнь и этот мир.

Москва, таким образом, становится для героев и возможностью постижения истины существования, и возможностью спасения. Эти функции главной героини связывают ее образ с архетипом Матери, стремление к которой представляется не только движением к истоку (земля, лоно, «пред-рождение»), но и непрекращающимся движением к спасению, постижению истины, преодолению смерти. Эти два вектора движения обуславливают наличие двух телесных центров Москвы Честновой: сердца и утробы, именно с ними будут связаны и перемещения героини с неба на землю, или из воздухофлота в метро. При описании внешности Москвы несколько раз Платонов обращает внимание на ее громко бьющееся сердце: «Божко слышал биение сердца Москвы Ивановны в ее большой груди; это биение происходило настолько ровно, упруго и верно, что если можно было бы соединить с этим сердцем весь мир, то оно могло бы регулировать

течение событий <...>. Щеки Москвы, терпя давление сердца, долго, на всю жизнь приобрели загорелый цвет, глаза блестели ясностью счастья, волосы выгорели от зноя над головой и тело опухло в поздней юности, находясь уже накануне женственной человечности, когда человек почти нечаянно заводится внутри человека» [6, с. 652]. Но все же главным, ведущим, центром становится утроба Москвы, в которую стремятся герои романа. Таким образом, постепенное выделение телесного низа в Москве, ее сближение с землей, отсылает к важному пониманию телесности в творчестве Платонова, где тело становится «существом всякого дела» («Одно из условий неотчужденного от человека платоновского мира — сокращение пространства между людьми не только в переносном, но и в телесном смысле» [3, с. 22]). Сокращение пространства между платоновскими героями происходит в моменты их физической близости, в которой может заключаться успокоение души и собственное спасение, примером этого служит диалог Комягина и его любовницы, в котором он непосредственно связывает душу с детородными органами: «Пойдем за сарай ляжем полежим, душа опять болит» [6, с. 672].

Физический контакт героев Платонова с женщиной чаще всего указывает на ее материнскую, порождающую и убивающую, способность: к Прушевскому, герою «Котлована», после удовлетворения любви «всегда приходило нормальное желание скончаться» [6, с. 672], в «Чевенгуре» сцена любви Сони Мандровой и Симона Сербинова происходит на могиле его матери, что указывает на возрождающую функцию этого акта («Семя уйдет в лоно Сони и прирастет материнским чревом, не успевшим разложиться» [2, с. 122]). В «Счастливой Москве» в эпизоде близости Сарториуса и Москвы присутствует немалое количество указаний ни низ телесный («Он шел за нею, все время нечаянно отставая, и однообразно думал о ней, но с такой трогательностью, что если бы Москва присела мочиться, Сарториус бы заплакал <...> на отходы из нее он мог бы глядеть с крайним любопытством, потому что отходы тоже недавно составляли часть прекрасного человека» [6, с. 686]), а также на низ пространственный («Под утро Москва и Сарториус сели в землемерную яму, обросшую теплым бурьяном <...> теперь эта природа сомкнулась для Сарториуса в одно тело и кончилась на границе ее платья, на конце ее босых ног» [6, с. 687]), данные описания сводят воедино главную героиню и землю, выделяют телесный низ в качестве центра жизни, более того, по мнению Юрия

Пастушенко, он становится не только центром жизни тела, но и жизни души: «Мир низовой постоянно вторгается в сознание и жизнь героев, постоянно заявляет о себе. Он не столько выступает оппозицией обозначенному верху, сколько является подлинным первоначалом жизни во всех ее проявлениях, в том числе и духовных» [4, с. 181]. Тем самым героиня непосредственно начинает отождествляться с Матерью, Москва становится рождающим и принимающим лоном (Мать-Земля). Линия отождествления героини с землей прослеживается и в другом эпизоде: лежавшая на хирургическом столе Самбкина Москва «заслуживала бессмертия; даже сильный запах пота, исходивший из ее кожи, приносил прелесть и возбуждение жизни, напоминая хлеб и обширное пространство травы» [6, с. 720].

В мифологии вообще и в теории Юнга в частности, Мать для мужчины является чем-то чуждым, тем, «что ему предстоит испытать и что преисполнено образами, скрытыми в его бессознательном» [8, с. 241], этим обусловлено его стремление к Матери и благоговение перед ее образом, поиск в ней защиты и спасения («Мать присутствует как центральная фигура там, где происходят магические превращения и воскрешение» [8, с. 216]). В романе Москва, воплощающая спасение и соприкосновение с чем-то сакральным, притягивает остальных героев. Стремящиеся к ней мужчины, желают проникнуть в ее существо, оставив там часть себя, тем самым заполучить своеобразное бессмертие, место в будущем. Данное стремление мужчин наиболее явно проявляется в желании обладать Москвой после трагедии в метро: «Уродство Москвы теперь было мало заметно — ей привезли протез из Туапсе и она ходила без костылей, с одной тростью, на которой все, кому Москва нравилась, уже успели вырезать свои имена и даты и нарисовать символы безумных страстей. <...> знакомые люди рисовали в сущности только одно: как бы они хотели рожать от нее детей» [6, с. 724], это желание не просто оставить семя, оплодотворить, это желание получить способность самим давать жизнь, в котором заложена идея инверсии на уровне соположения мужчины и женщины: «Героине принадлежит инициатива во всех сценах, содержащих хотя бы элементы эротического смысла: она — первой — целует своих партнеров, сходится с ними или покидает их, выбирает места любовных встреч не только по собственному желанию, но сообразуясь исключительно с ним. Словом, Москва несет в себе (в определенном смысле, естественно) мужскую или, вернее, доминирующую природу, тогда как ее более слабые партнеры — природу

женскую» [4, с. 178], такое доминирование Москвы Честновой и делает ее не просто главным героем, но персонажем, в котором заложена потенция жизни, смерти, перевоплощения и, наконец, возрождения.

Поиски человеческой души, сопряженные с попытками преодоления смерти, также приводят героев романа, Самбикина и Сарториуса, к телесному низу человека: «Сарториус склонился ко внутренности трупа, где находилась в кишках пустая душа человека. Он потрогал пальцами остатки кала и пищи, тщательно осмотрел тесное, неимущее устройство всего тела и сказал затем:

— Это и есть самая лучшая, обыкновенная душа. Другой нету нигде» [6, с. 702]. Душа в тексте Платонова не живет где-то в области сердца или легких, а оказывается зажата в кишках в «пустом участке между пищей и калом». Получается, что конечный пункт всех устремлений и поисков героев один. Оба молодых человека оказываются связанными с Москвой Честновой духовно и физически: Сарториус «любил ее как живую истину и сквозь свою радость видел ее неясно и неверно» [6, с. 678], Самбикин, рассуждая о возможности своей любви, приходит к выводу, что «все равно Честнова не будет ему верна, и не может она никогда променять весь шум жизни на шепот одного человека. «Нет, я любить ее не буду и не могу! — навсегда решил Самбикин. — Тем более, придется как-то портить ее тело...»» [6, с. 679]. Таким образом, отказавшийся от любви к Москве Самбикин продолжает поиски «долгой силы жизни» в мертвых телах людей, а дважды знавший Москву Сарториус начинает поиски истины существования в перевоплощениях: «Сердце его стало как темное, но он утешил его обыкновенным понятием, пришедшим ему в ум, что нужно исследовать весь объем текущей жизни посредством превращения себя в прочих людей. Сарториус погладил свое тело по сторонам, обрекая его перемучиться на другое существование, которое запрещено законом природы и привычкой человека к самому себе» [6, с. 738]; «Вообще, сказал Самбикин, конституция Сарториуса находится в процессе неопределенного/разрушения/превращения, и сам озадачился этой мыслью на многие дни» [6, с. 740]. Сарториус, ранее перевоплотившийся в себя из Жуйбороды, становится теперь Иваном Груняхиным, живя «жизнью чужой и себе не присущей», он таким образом стремится не только преодолеть индивидуальное существование, а значит и индивидуальную смерть, но и овладеть душой человека, тем неизвестным веществом, поисками которого заняты герои.

В своих записных книжках Платонов, разрабатывая линию Сарториуса, в череде его перевоплощений приводит его к последнему, самому важному из них: ««Сартор<иус>» в конце своих перевоплощений убеждается, что для свершения его жизн<енной> задачи и удовлетворения любовью (далее) ему самому необходимо стать Москвой, — и на [превра] перевоплощении в нее, в женщину — спасительницу мира — он кончается и кончается роман» [5]. Череда трансформаций Сарториуса и их конечная цель — воплощение его в Москву, указывают на способ преодоления смерти: это, с одной стороны, выход за пределы телесности, а с другой, овладение самым близким контактом, что является не просто уходом в «пред-детство», то есть в породившее лоно, но и превращением в саму рождающую Мать.

В завершении хотелось бы привести цитату из записной книжки Платонова, достаточно четко определяющую функции и потенции Москвы Честновой в романе: «В ее многожужней пизде была прелесть — запах многообразного человечества, в ней можно приобрести было опыт многой жизни» [5]. Таким образом, главная героиня, персонифицирующая в произведении архетип Матери, является символом, способом и возможностью обретения истины и преодоления смерти. Она вбирает в себя все стремления героев к спасению, причем спасение приобретает за счет «очеловечивания» пространства, его сокращения между людьми, что достигается путем физического контакта и обладания Москвой многими героями.

Список литературы и источников

1. *Карасев Л.* Вещество литературы. М., 2001. — 400 с.
2. *Меньшикова Е.* Трагический парадокс юродства, или Карнавальный гротеск Андрея Платонова // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 111–132.
3. *Никонова Т.* «Чужое» пространство у Платонова // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. СПб., 2004. С. 16–23.
4. *Пастушенко Ю.* Метаморфозы героев и преодоление оппозиций в романе А. Платонова «Счастливая Москва» // Осуществленная возможность: А. Платонов и XX век: Материалы III Международных платоновских чтений. Воронеж, 2001. С. 176–186.
5. *Платонов А.* Записные книжки // URL: <http://www.srcc.msu.su/uni-persona/site/authors/platonov/platonov.htm> (дата обращения: 03.06.2012).
6. *Платонов А.* Котлован: Романы, повести, рассказ. СПб., 2005. — 797 с.
7. *Платонов А. П.* Чевенгур. Котлован. Рассказы. М., 2007. — 752 с.
8. *Юнг К.* Душа и миф. Шесть архетипов. Минск, 2005. — 400 с.